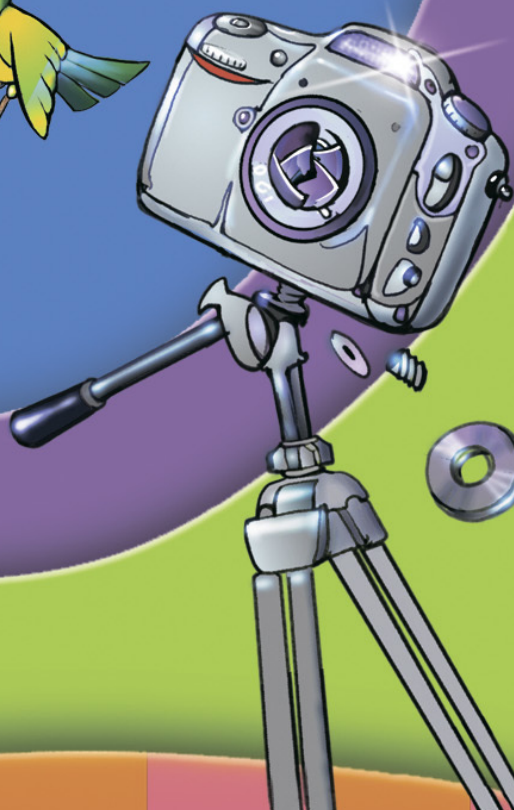

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Цыганочка
без выхода

Елена и Ирка

Елена Логунова

Цыганочка без выхода

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логунова Е. И.

Цыганочка без выхода / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2019 — (Елена и Ирка)

ISBN 978-5-04-101871-9

В очередной раз поссорившись со своим редактором, журналистка Елена ушла с телевидения, но не успела насладиться вынужденным отпуском, как ее пригласили на радио. Посмотреть на жизнь по ту сторону микрофона за компанию с ней напросилась подруга Ирка, которая сразу же стала диктором и местной звездой эфира. И все бы ничего, но девушка, которая начитывала тексты до нее, погибла при странных обстоятельствах. А еще подруги совершенно случайно нашли в городском парке убитую брюнетку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101871-9

© Логунова Е. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

День первый	5
День второй	18
День третий	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Елена Логунова

Цыганочка без выхода

День первый

– Дети, в школу собирайтесь! – игриво напел мне в ухо приятный женский голос.

– Изыди! – Я двинула рукой, смахнув будильник на пол.

Певунья крикнула, но упрямо закончила:

– Петушок пропел давно!

– Да чтоб тебя с твоим петушком, – сонно пробормотал Колян, после чего опять надолго замолчал, то ли обдумывая, что бы случилось с тем петушком, попадись он в недобрые руки, то ли вновь погрузившись в сон.

А вот певунья не заткнулась. Предусмотрительно отдалившись от моего спального места, она опять завела с теми же издевательски ласковыми интонациями:

– Дети, в школу собирайтесь!

– А ничего, что никому из нас в школу не надо? – Вопрос был риторический, но я придала ему остроту и вес, не глядя метнув на голос выуженную из-под кровати тапку.

Не свою – мужнюю, у нее убойная сила больше.

– Петушок пропел давно! – злорадно проинформировала меня певунья.

От тапки она, зараза, увернулась.

– Будь проклят тот день, когда ты купила этот самоходный будильник! – простонал Колян, накрывая голову подушкой.

Он по опыту знает, что утренняя битва с певуньей может затянуться. Самоходный будильник, опрометчиво приобретенный мною на китайском сайте, только с виду похож на пластмассовую черепашку. На самом деле он дивно резв и проворен, так что для поимки и последующей нейтрализации голосащей певуньи нужно не только пробудиться, но и выбраться из постели, а потом еще совершить аналог утренней пробежки по пересеченной местности, отлавливая увертливую заразу на просторах квартиры.

Собственно, потому-то я и купила этот шедевр электроники. Иначе все наше семейство дрыхло бы до обеда. Сама я нынче вольный писатель, муж мой работает на фрилансе, а сын после девятого класса поступил в колледж столичного университета и учится в нем заочно, так что необходимость подрываться рано утром по сигналу будильника возникает у нас нечасто... Ой, блин! Мне же сегодня нужно быть на планерке в редакции!

– Ладно, не буду тебя убивать, ты все сделала правильно, – скуп похвалила я певчую черепашку, поймав ее в углу прихожей.

Кстати, надо бы полы помыть... Впрочем, об этом позже.

– Кыся, завтрак готовишь ты, я опаздываю! – прокричала я в сторону супружеского ложа, убегая в ванную.

– А что на завтрак? – донеслось из условной детской.

Папа и сын – оба большие любители и ценители завтраков – вступили в дискуссию, от которой я уклонилась. Когда рисуешь стрелки на глазах, не до разговоров, знаете ли. На финише макияжных работ скривить линию на веке – это куда хуже, чем потерять нить беседы. Вот так отвлечешься на обсуждение вопроса, что нынче актуальнее – блины или оладьи, и будет у тебя правый глаз от персонажа японского аниме, а левый – от прищурившегося Чингисхана!

Когда я вышла из ванной, взгляд моих красивых симметричных глаз нашел на столе блюдо с дымящимися оладьями. Левой рукой я сцапала оладушек, в правую благосклонно при-

няла протянутую мне кофейную кружку. Поблагодарила супруга кивком, сжевала одну вкусняшку, запила ее другой и, уже убегая, привычно поинтересовалась у сына:

– Ну и чьи оладьи лучше?

– Твои, – не обманул моих ожиданий сынище. – Они более пышные и рассыпчатые.

– Да что такое! – взвыл Колян, хлопнув себя по бедрам, кокетливо обернутым моим фартуком с оборочками. – Я же все делаю точно по рецепту! Кыся, признавайся, есть еще какой-то секретный ингредиент?!

– Щепотка истинной любви! – крикнула я, уходя.

В ближайшие десять-пятнадцать лет я не собираюсь признаваться, что вместо куриного яйца кладу в тесто для оладушков ложку майонеза. К тому моменту, когда у нас появятся внуки, я должна поднакопить конкурентных преимуществ. Не хотелось бы, чтобы родные малыши затруднялись с ответом на вопрос бестактных взрослых о том, кого они больше любят – бабушку или дедушку!

Телекомпания, где я от скуки и ради самопиара один раз в неделю веду авторскую программу в прямом эфире, находится в центре города и всего в пяти кварталах от моего дома. Когда у меня есть время, я иду на студию пешком, но на этот раз я опаздывала, поэтому запрыгнула в трамвайчик. Тоже неплохо: пять минут в городском транспорте вполне заменяют обстоятельный опрос общественного мнения, а ведь я еще не успела придумать актуальную тему для следующей программы.

Народ в трамвае горячо обсуждал затянувшийся ремонт одного из городских мостов и вызванные этим обстоятельством пробки на дорогах, а также скрытые и явные угрозы пенсионной реформы. Я сделала соответствующие заметки в блокноте и в редакцию явилась уже во всеоружии, однако мои трамвайные заготовки негодились.

– Я придумала вам бомбическую тему, мои котики! – едва дождавшись, пока я сяду рядом с моим напарником Митей Тетеркиным, возвестила Катя Серебрянникова, возглавляющая редакцию информационно-развлекательных программ.

– Ремонт Тургеневского моста, запредельные пробки, пенсионная реформа? – Я скороговоркой перечислила свои варианты, показывая, что подготовилась.

– Ты опять украла у меня реплику! – возмутился Митя.

– Тоже ехал на работу в трамвае? – понятиливо уточнила я. – А не надо искать легких путей!

– Так, котики мои, цыц! – Редакторша задорным хлопком убила в воздухе невидимую муху. – Бомбическая тема – дерьмовый маньяк!

Мы с Тетеркиным переглянулись.

– Дерьмовый – это в смысле плохой? – предположил Митя.

– Крайне низко котирующийся по шкале маньяков и ни разу не сексуальный? – подхватила я.

– Нет, нет, не в переносном смысле дерьмовый! – засмеялась Катя. – Буквально! Дерьмо – это его фирменный стиль.

Мы с Митей снова переглянулись и синхронно почесали в затылках.

– Боюсь представить, – пробормотала я. – Он оставляет вместо визитки на месте преступления, пардон, какашки?!

– Бинго! – Катя щелкнула пальцами.

– И чем же они отличаются от других, пардон, какашек, которые у нас на каждом шагу оставляет кто попало? – спросил пыливый Митя, ассоциативно покосившись на свои сияющие лакированные ботинки.

– На них оттиснуты инициалы маньяка, – предположила я.

– Каким образом? – заинтересовался Митя.

– Ну не знаю... Есть же такие кондитерские насадки для крема, которые позволяют формировать из пластичной массы разные фигурки, – задумалась я.

– Из любой массы?

– Из пластичной!

– То есть нужно еще обеспечить массе должную консистенцию? И как-то закрепить насадку...

– И синхронизировать процессы!

– Не понял?

– Ну выдачу массы и, собственно, маньячество!

– А, это чтобы гарантированно сделать фигурку из своей пластичной массы сразу после преступления, а не до или во время его? А то ведь от волнения бывает... – понял Митя. – Однако непростую специализацию выбрал себе наш маньяк!

– Ужасно интересно это слушать, и я понимаю, почему телезрители от вашей пары фанатеют, но вынуждена сказать, что до такого маньяк еще не дошел, – сказала редакторша, не утаив сожаления. – Визитки и розочки из дерьма он не делает.

– А что делает?

Редакторша молча подняла со стола пару бумажных листов на скрепке. Я первой до них дотянулась и начала читку вслух:

– В ночь с первого на второе октября неизвестные художественно вымазали свежими экскрементами свежепобеленную стену многоквартирного дома по улице Захарова, тридцать три, с относительной точностью воспроизведя картину Шишкина «Три медведя». Вот же эстеты!

– Картина называется «Утро в сосновом лесу»! – поправил меня Митя.

– Вот же эстет! – заклемила я и его.

– Читай дальше, – попросила Катя.

– Так, что тут дальше... Утром второго октября пенсионерка Кострова Мария Никаноровна во время утренней прогулки во дворе дома номер два по улице Индустриальной потеряла свою собаку породы пекинес и через некоторое время нашла ее полностью измазанной свежими экскрементами. – Я подняла глаза на редакторшу. – Измазанной, но живой, я надеюсь?

Катя кивнула и перекрестилась. Она любит маленьких собачек, у нее у самой той-терьер.

– Пекинес, пекинес, – забормотал Митя. – Он же низенький и лохматый? Да такому немудрено испачкаться от макушки до хвоста, с разбегу вляпавшись в свежую коровью лепешку.

– Какие коровьи лепешки в городе?

– Лично мне тут, по-моему, и слоновьи встречались! – Митя скривился и машинально пошаркал ногами о ковер.

– Захарова тридцать три и Индустриальная два – это соседние дворы, – с намеком сообщила Катя.

– Полагаешь, эти случаи связаны? Но как? – Митя задумался.

– Может, художники-эксcrementалисты бабушкиным пекинесом кисти вытирали? – предположила я. – Жестоко, конечно, но, думаю, эффективно. Маленькие лохматые собачки гигроскопичны и с легкостью заменяют собой обувные щетки...

– И это еще не все! – вмешалась Катя. – Позавчера камера наблюдения у входа в бар «Что-то в мыле» засекла неопределенного пола личность, с размаху вылившую на дверь ведро дерьма. А вчера на празднике уличной еды в городском парке какая-то сволочь вытянула из приготовленных к раздаче хот-догов сосиски и заменила их сухими собачьими какашками!

– С хот-догоми – это логично, – хмыкнула я, пока Митя талантливо изображал рвотные позывы. – Интересно, все ли отведавшие угощение заметили разницу?

– Ты порочишь имя местного мясокомбината, это непатриотично, – упрекнула меня редакторша. – Не говоря уж о том, что мясокомбинат честно платит каналу за прокат рекламных роликов, а канал платит тебе зарплату.

– Очень маленькую, – напомнила я. – Я бы сказала – символическую.

– Но вернемся к воистину дерьмовому символизму, – предложил Митя, мудро пресекая назревающую перепалку. – На чем основывается предположение, будто все эти гадости сделал маньяк?

– Кто-то же их сделал? – Катя хищно прищурилась. – Так почему же не маньяк?

– Это могли быть совершенно разные люди! – резонно рассудила я. – Дерьмовую картину на стене нарисовал мечтающий о славе художник-авангардист, гавкучую собачку вывозили в какашках недовольные ее поведением соседи, дверь стрип-бара облил канализационными стоками какой-нибудь ревнитель нравственности, а фаршированные собачьими экскрементами хот-доги – просто дурацкая шутка подростков, хотя, возможно, это гнусные происки конкурентов нашего многоуважаемого мясокомбината, да святится его доброе имя в веках.

– Возможно. – Катя сначала кивнула, а потом с настойчивым намеком заморгала одним глазом. – И все же есть вероятность, что это маньяк! Уверена, телезрители оценят эту версию!

– А-а-а, я понял! – вскричал простодушный Митя. – Ты подтасовываешь факты! Нет никакого маньяка, но есть скандальная тема, которая поднимет наш рейтинг!

– Лично мне такой дерьмовый рейтинг не нужен, – объявила я и встала. – Не хочу мारаться.

– Мы тебе платим, – железным голосом пробряцала редакторша.

– Лично мне такой дерьмовый рейтинг и даром не нужен, и за деньги не нужен, – дополнила я свой манифест и ткнула кулачком в спину засидевшегося напарника.

– Мне тоже не нравится эта тема, – неохотно признался Тетеркин и завожился в кресле, имитируя трудный затяжной подъем из него.

– За программу про маньяка мы заплатим ведущим двойную ставку, – сообщила Катя, острым взглядом прочно пригвоздив ерзающего Митю к креслу. – А если ведущий будет работать один за двоих, то получит вчетверо больше!

Митя замер. Потом оглянулся на меня и сделал большие жалобные глаза, в которых отчетливо читалось: «У меня же ипотека, ты помнишь?»

– Творческих вам успехов по-большому! – съязвила я и пошла к выходу.

– Уволю! – крикнула мне в спину Катя.

Я распахнула дверь, картинно замерла на пороге, оглянувшись на Митю и нарочито горестно сказала:

– Прощай, Тетеркин! Нам уж не свидеться боле! – после чего нормальным голосом договорила: – Потому что меня совершенно точно не будет в числе тех телезрителей, которые станут смотреть это ваше маниакальное дерьмо.

– Лена! – гневно заорала Катя, но я плотно закрыла за собой дверь в кабинет и обвела пытливым взором группу граждан в приемной.

Отголоски внезапного скандала произвели большое впечатление на разношерстную публику. Секретарша Оленька одинаково округлила глаза и рот. Главный режиссер Гаврилов беззвучно аплодировал. Девочки и мальчики из новостной программы, устало сгорбившиеся на стульях явно в ожидании предстоящего начальственного разноса, подняли головы, взирая на меня недоверчиво и с робким восторгом, как ходоки у Ленина – на перспективный план электрификации всей страны.

– Всех люблю, всех целую, всем пока! – провозгласила я и припечатала сказанное звучным воздушным поцелуем.

– Смотрите, дети! – торжественно изрек главреж Гаврилов, щедро подпустив в голос хрустальной слезы. – Вот так уходят лучшие из нас!

Мальчики и девочки взволнованно завозились, сочувственно забормотали, но я лишь покровительственно улыбнулась им, склонилась к Оленьке в окопчике рабочего стола и прошептала:

- Позвони, когда будут делить квартальную премию.
 - Да, но...
 - Какие могут быть «но»? Ты же хочешь увидеть свои стихи в новом сборнике?
- Оленька торопливо кивнула. Я помахала всем ладошкой и ушла.
Уф-ф-ф!

На дворе была ранняя осень со всеми ее поэтическими прелестями, включая багрец, золото, прохладу и свежесть. Самое время бежать из Мордора на волю вольную!

Бежала я, собственно говоря, не в первый раз и наверняка не в последний.

Руководство нашего городского телеканала в попытках до заоблачных высей поднять рейтинг программ собственного производства не знает удержу и меры, а я дорожу своим добрым именем и профессиональной репутацией, поэтому время от времени вынуждена дистанцироваться от происходящего на голубом экране. Через какое-то время мой демарш забывается, а надобность в хорошем ведущем становится острее того зуба, который держит на меня обидчивое начальство, и тогда меня вновь призывают на телевизионный фронт. Подумав, поспорив и выторговав условия, которые в полной мере никогда не соблюдаются, я возвращаюсь под камеры, потому что за годы работы пиарщиком, журналистом-фрилансером и свободным писателем так и не смогла преодолеть зависимость от прямого эфира.

Кстати, о зависимости. Надо выяснить, что там с публикацией графоманских стишков секретарши Оленьки...

Несколько отдалившись от телевизионного Мордора, я присела на лавочку в уютном сквере с фонтаном и, жмурясь на солнышке, позвонила Ирке.

- Да! Что?! – резко и нервно выдохнула она в трубку в два приема.
- Проблема? – насторожилась я.
- Даже две, и одна из них сейчас лупит другую! – доложила мне лучшая подруга.
- А, ты наблюдаешь за тренировкой? – догадалась я.

Недавно Ирка сдала своих неукротимых отпрысков – пятилетних близнецов Масяню и Манюню – в секцию восточных единоборств, и теперь неизбежные потасовки между мальцами проходят под чутким руководством хладнокровного тренера.

– Лучше бы не наблюдала, – вздохнула подружка. – С трудом остаюсь безучастной! Ужасно хочется перестать быть зрителем, броситься в гущу битвы, растащить противников по разным углам и самой надавать оплеух и им, и тренеру!

– Это было бы крайне непедагогично, – хихикнула я. – Поэтому повернись к битве спиной и переключись со спортивного канала на культурный. Я хотела спросить, как дела с твоей книжкой?

– Как мило, что ты этим интересуешься! – желчно молвила Ирка. – И это после того, как сама же наотрез отказалась рекомендовать мой поэтический труд своим издателям!

– Ты прекрасно знаешь, что мои издатели печатают детективы, – устало – потому что примерно в сотый раз – напомнила я.

– Да, да, а стихи вообще никто не печатает, поэтому я вынуждена издавать книжку за свой счет!

– Тем самым делая большое доброе дело и внося немалый вклад в высокое искусство стихосложения. – Я пустила в ход беспардонную лесть.

– Как настоящий меченос... Мезазой... Мизантроп...

– Меценат, – услужливо подсказала я склеротичке правильное слово.

– Точно! – Подружкин голос в трубке подобрел. – Иногда кому-то надо становиться меценатом... О, да это же стихи!

И она продекламировала с драматическим завыванием, которое напомнило мне о зимней вьюге и заставило поежиться:

– Иногда кому-то надо
Становиться меценатом,
Потому что без него
Не издали б ничего!

– Прекрасно, так что там с изданием чего-то? – Я решительно перерезала пуповину родившему экспромту.

– Ну сейчас над текстами работает корректор, и еще я жду ответа от пары авторов, не определившихся с участием, – нормальным голосом сообщила подружка.

– Ответа и денег? – уточнила я.

– Да, и денег тоже! – с вызовом ответила Ирка. – Это же не моя личная книжка, в сборнике будет полтора десятка местных авторов, и я одна эту групповуху не вывезу. Как говорилось в одном рассказе Олега Генри, Бонифацию не снести двоих.

– Буцефалу, – поправила я, вздохнув. – И О. Генри никакой не Олег. Просто О.

– Нет такого имени! – не поверила Ирка. – Или он китаец?

– Он не китаец. – Я снова вздохнула.

Ну что тут поделаешь? Моя лучшая подруга – не великий знаток мировой литературы, зато изрядный графоман и плагиатор. Стихи она пишет плохие, но в этом есть и моя вина: если бы не моя писательская слава, ревнивая Ирка вообще не потянулась бы к перу.

– Почитаешь мне что-нибудь из своего нового? – попросила я, ответственно созная, каков он – суровый долг дружбы.

– С удовольствием! – обрадовалась поэтесса. – Но может, лучше не по телефону? Мы с гавриками планируем после тренировки в плющечную заглянуть, приглашаю тебя к нам присоединиться. Я давно заметила, что натошак ты мои стихи воспринимаешь гораздо хуже, чем на полный желудок.

– Это относится ко всем стихам без исключения, так что в этом смысле ты абсолютно равноправна с Рильке и Бодлером, – заверила я ее.

– Бодлер – это который про Одиссея написал, я помню, а Рильке кто такой?

– Тоже поэт, – уклончиво ответила я, из деликатности «не заметив» неправомерную замену Бодлером Гомера.

– Как я? – горделиво поинтересовалась подружка.

– Как Гомер, – ответила я, продолжая прокачивать ценный навык уклончивости.

– Как мы с Гомером, – самодовольно резюмировала Ирка. – Короче, мы ждем тебя в плющечной у Ангела через полчаса.

– Буду! – пообещала я и отключилась.

«Плющечная у Ангела» – наше с Иркой кодовое название кафетерия в городском саду. На самом деле это заурядный ларек с обыкновенными пирожками и булками, но выпечка там всегда свежая и вкусная, а близость величественного монумента «Ангел мира» придает заведению некоторую респектабельность. Скульптурный Ангел на вершине столба символически осеняет соседствующую с ним пирожковую золочеными крыльями, как бы благословляя вкушать дивных плюшек...

Правда, в начале осени монумент опять окружили заборчиком, потому что со столба на головы гуляющим, изрядно компрометируя мирного Ангела, начали осыпаться увесистые плитки облицовки.

– О, это же сюжет для микропьесы! – восторженно мой внутренний голос. – Назвать ее можно так: «Падший ангел»...

– Претенциозно. – Я поморщилась, но все же достала из сумки блокнот с ручкой и села на ближайшую лавочку.

Перефразируя предположительно китайского писателя Олега-О. Генри, не следует упускать хорошую идею только потому, что она пришла в голову не по расписанию!

– Ты записываешь? Тогда рассказываю в лицах. – Внутренний голос откашлялся и мастерски съехал в располагающий баритон. – Микропьеся «Падший ангел». Посвящается монументу «Ангел мира», который второй раз за год окружили заборчиком, чтобы уберечь гуляющих от падающих кусков облицовки...

Я прищурилась, фокусируя мысленный взор.

Ага, вот, началось!

На сцене Городской Архитектор. Заложив руки за спину, он покачивается с пятки на носок, оглядывает окрестности и удовлетворенно улыбается. Слышен шум – выходит Скульптор. Он тащит бронзовую фигуру Ангела. Устанавливает статую, обнимает, удерживая в равновесии, любовно смотрит на нее.

Скульптор (гордо): Я создал прекрасную скульптуру! Этот позолоченный бронзовый Ангел...

Городской Архитектор (перебивая): Он дорогой? А впрочем, не отвечайте, я помню (непроизвольным движением нежно гладит себя по оттопыренному карману).

Скульптор (с энтузиазмом): Его нужно водрузить на десятиметровый каменный столб, и это будет шедевр на века!

Городской Архитектор (деловито): Натуральный камень – это дорого, а века – это долго, меня уволят гораздо раньше. Отольем колонну из бетона и облицуем ее плиткой.

Скульптор (с сомнением): Но...

Городской Архитектор (с апломбом): Спокойно, сейчас я свистну кому надо!

Подносит к губам свисток и дует в него.

На сцену, потирая руки, выходит скромно улыбающийся Строитель. Обменивается с Городским Архитектором рукопожатием и словами:

– Тендер сдал!

– Тендер принял!

Сует что-то в оттопыренный карман Городского Архитектора и уходит, слегка пританцовывая в темпе *moderato*.

Скульптор (встревоженно): Но через несколько лет плитка начнет отваливаться!

За сценой слышен свист падающего камня, звук удара и мучительный стон.

Городской Архитектор (уверенно): А мы ее опять прилепим! Я сразу свистну кому надо!

Дует в свисток.

На сцену, потирая руки, выскакивает радостно осклабившийся Строитель. С разбегу хлопает Городского Архитектора по подставленной ладони и в ускоренном темпе обменивается с ним словами:

– Тендер сдал!

– Тендер принял!

Быстро сует что-то в оттопыренный карман Городского Архитектора и удаляется, приплясывая в темпе *allegro*.

Скульптор (крайне встревоженно): Но ведь плитка так и будет отваливаться!

За сценой – множественный свист падающих камней, drobный звук ударов, стоны и нецензурные возгласы.

Городской Архитектор (радостно): А я так и буду свистеть!

Дует в свисток.

Выбегает Строитель. Злодейски хохоча, он бьется с Городским Архитектором в кулачки, сует что-то в его оттопыренный карман и убегает длинными балетными прыжками в темпе *allegro presto*.

Скульптор (страстно): Но послушайте!

За сценой – метеоритный дождь, грохот, вопли и дружное скандирование коротких матерных слов.

Городской Архитектор (взглянув на часы): Некогда мне вас слушать, я уже уволен, мне надо бежать!

Бросает короткий взгляд в свой оттопыренный карман, радостно улыбается и удаляется со сцены, красиво кружась в вальсе.

Скульптор в отчаянии хватается за голову. Бронзовая статуя, лишившись поддержки, падает и погребает Скульптора под собой.

Скульптор (умирающим голосом): И ты, Ангел! Твою ж мать...

Последние слова заглушает грохот камнепада за сценой.

Занавес.

– А неплохо, – досмотрев, похвалила я новую микропьесу. – Из этого может получиться симпатичный номер для местной команды КВН, меня как раз просили что-нибудь написать...

– Что написать, кому написать, когда и – главное – почему? – плюхнувшись рядом со мной на скамейку, поинтересовалась Ирка и сунула мне в руки бумажный пакет. – Держи, это твоя доля вкусняшек, мы пришли раньше, взяли сразу на всех, свои порции уже съели и даже успели немного прогуляться. Кстати, сегодня в плюшечной акция: десять пончиков по цене девяти.

– То есть мне достался всего один? – уточнила я, не спеша открывать пакет.

– Целый один!

– В смысле, даже никем не надкусанный?! – восхитилась я.

– Если не поторопишься – будет не просто надкусанный, а с лету проглоченный! – предупредила подруга, из-под козырька ладони посмотрев в конец затопленной светом аллеи.

Оттуда к нам неслись клубы сияющей пыли.

Я поняла, что это быстро приближаются юные Максимовы, и без промедления впиалась зубами в пончик.

Манюня и Масяня – верные последователи сказочного Робина Бобина Барабека, то есть обжоры, каких поискать! В непосредственной близости от них еда никогда не залеживается.

– Прюшка? – со скрежетом затормозив у скамьи, с затейливой смесью подозрения и надежды поинтересовался молодой обжора, пришедший первым.

– Пирожок? – точно в тон ему спросил прибежавший вторым.

– Нет больше плюшек, Масянечка, – торопливо проглотив хлебную жвачку, с фальшивой грустью сказала я и, не дожидаясь требований, добровольно отдала на проверку и растерзание пустой бумажный пакет. – И пирожков уже нет, Манюнечка.

Иркины отпрыски – близнецы, но я различаю их благодаря тому, что у каждого из пацанов свой дефект речи: Манюня не выговаривает «р», а Масяня – «л».

– Тогда давай ропатку!

– И ведло! – Рыжие головы повернулись к маменьке, как подсолнухи – к дневному свету.

– Это же парк, здесь нельзя копать, – сказала Ирка, не скрыв сожаления.

По образованию она инженер-строитель, по душевному призванию – агроном, по роду текущей деятельности – совладелица семейной фирмы по продаже посадочного материала. Ей за лопату взяться, как мне за перо – одно удовольствие, а детки явно пошли в мамочку.

– Я дам вам кое-что другое!

– Бурку?! – радостно обнадежился ребенок.

– У тебя там и бурка есть?! – Я с восторгом устала на необъятную торбу подруги.

Ирка запаслива, как хомяк. Я бы не сильно удивилась, достань она из своей сумки-самобранки и бурку, и папаху, и живого коня в полной сбруе.

– Ребенок спросил про булку, – невозмутимо объяснила Ирка, извлекая из своей сумы цветную резиновую тряпочку.

Путем энергичного надувания заботливая мать в два счета превратила тряпочку в мяч, который тут же зашвырнула через кусты за нашей спиной на ухоженный газон:

– Поиграйте, детки, на полянке! У вас примерно полчаса.

Я оценила хитрый ход: газон со всех сторон окружен кустами, как хоккейная коробка, так что шустрые пацаны не разбегутся по парку, и через полчаса нам с Иркой не придется носиться по аллеям, громко аукая и тихо матерясь.

– Она сказала «полчаса», это тебя не пугает? – вкрадчиво поинтересовался мой внутренний голос. – Полчаса – это поэма, не меньше!

– Ой. – Я осознала перспективы.

Поздно.

– Ну? Ты готова слушать? – Подружка выудила из сумки очки, записную книжку, носовой платок и развернулась ко мне всем корпусом, как танковая башня: приготовилась покорять слушателя громкой читкой своего нового произведения.

– А платочек зачем? – опасливо поинтересовалась я.

– Это тебе. – Ирка вручила мне надушенный батистовый квадратик, едва понюхав который, я чихнула. – Будешь утирать слезы в особо трогательных местах.

– А это что – любовная лирика? – заволновалась я.

Иркина любовная лирика душераздирающая, как повесть про Муму. Ее свободно можно брать на вооружение вместо слезоточивого газа! А у меня стратегические запасы слез ограничены, и я не могу расходовать их понапрасну. Эти сверкающие соленые капли, красиво зависающие на ресничках, при экономном использовании способны обеспечить мне преимущество в любом семейном споре!

– Ты что-то имеешь против моей любовной лирики? – грозно нахмурилась подруга.

– Ладно, давай. – Делать было нечего, я смирилась.

– Тогда слушай. – Ирка поправила очки, высоко подняла раскрытую записную книжку и тонким голосом с жалобным поскуливанием (я снова вспомнила Муму) завела:

– Твои пальцы пахнут порохом,
А могли бы пахнуть ядом.
То ли сокол, то ли ворон ты –
Ненавистный, ненаглядный...

Тут она сделала тактическую ошибку, вопросительно покосившись на меня в ожидании реакции, и я ловко ввинтилась в образовавшуюся паузу с критическим анализом:

– Первая строка – плагиат, ты переименовала Вертинского, у него было «ваши пальцы пахнут ладаном»!

– Да? – Ирка ничуть не расстроилась. – А Вертинский – это же хороший поэт?

– Больше певец, чем поэт, но – да, хороший.

– То есть заимствовать у него не стыдно, – удовлетворенно кивнула нахалка. – Еще замечания есть?

– Есть вопрос: кому адресованы эти строки? У кого это такие криминально пахучие пальцы? У киллера?

– Почему сразу – у киллера? – Поэтесса напряглась. – Это мужик совсем из другого времени, между прочим!

– Из девяностых? Тогда его пальцы могут пахнуть и канифолью от паяльника, – съязвила я.

– Из Средневековья! И он не какой-нибудь разбойник, а благородный лорд! Немножко интриган, конечно, но симпатяга...

– Так. Кажется, я поняла. Ты наконец посмотрела «Игру престолов»?

Ирка вздохнула:

– Моржик научил меня скачивать фильмы с торрентов...

– Вот пусть Моржик теперь и слушает стихи про яды и воронов! А я...

– Тихо! – Ирка вскинула руку, обрывая мой гневный монолог. – Ты слышишь?

– Это сирена гражданской обороны? – встревожилась я.

– Это мои малыши!

Подружка вскочила с лавки и завопила так, что заглушила бы любую сирену:

– Дети, держите штаны!

И тут же скороговоркой пояснила мне:

– Я где-то читала, что одна умная женщина, кстати, тоже писательница, на расстоянии прекращала драки в детской именно этим криком: ее сыновья хватались за штаны и уже не могли лупить друг друга!

– На этот раз не сработало. – Я тоже встала.

Не сговариваясь, мы одновременно пробили своими телами стену зеленой изгороди, провалились на оперативный простор газона и ожидаемо увидели там Манюню и Масяню. Оба честно держались за свои штанишки, но при этом ревели, как два паровоза.

– Они целы! – с облегчением выдохнула Ирка.

– А газон – нет! – заметила я.

Посреди зеленой лужайки отчетливо темнел аккуратный круг провала.

– Дети, что это? – Ирка поправила очки и присмотрелась.

– Это рюк! – прекратив неинформативный рев, любезно сообщил мамуле Масяня.

– Мы с ним иглали! – подключился к докладу Манюня, отбросив в сторону кривую ветку.

– В горфь!

– Блосали туда мяч!

– И я попар!

– Следствию все ясно, – заключила я. – Затейники открыли канализационный люк и палками загоняли туда свой мячик.

– И загнали. – Ирка подошла к дыре в газоне, заглянула в нее и присвистнула.

– Что? Хана мячику? – Я тоже приблизилась к люку.

– Хорошо, если только мячику, – непонятно пробормотала подружка, опускаясь на колени, чтобы буквально сунуть голову в люк.

В этой позе она сделалась похожа на очень испуганного страуса, и первое впечатление лишь усилилось, когда Ирка вытащила голову из дыры в земле и пристально посмотрела на меня круглыми птичьими глазами.

– Что? – оробела я.

– Звони Лазарчуку.

– Что?!

Я отпихнула подружку, чтобы тоже поиграть в пугливого страуса, и сразу же поняла, что Ирка рассудила верно – звонок другу-оперу надо сделать незамедлительно.

– Уведи малышей на аллею и сидите там тихо, а я позвоню Сереге, – велела я, уже набирая нужный номер. – Алло, Сереженька, ты только не ругайся, но, кажется, мы с Иркой снова нашли труп!

– Что? Где?! – Мой собеседник чем-то подавился и мучительно закашлялся.

– Опять ты помешала бедняге трапезничать! Или у кого-то такая злая судьба, или этот кто-то слишком много ест! – обличительно молвил мой внутренний голос.

Я пропустила язвительную реплику мимо ушей и ответила на вопрос полковника:

– На полянке...

– Отлично! Нормальные люди по осени в лес за грибами ходят, а вы за трупами! – не дослушав, разорался наш товарищ полковник.

– Не в лес, а в парк! – рявкнула я, возвращая себе право слова. – В «Городской Сад», если говорить точно, и лучше бы ты нам спасибо сказал, потому что фиг бы кто нашел тут этот труп, если бы не близнецы Максимовы!

– Чудесно, – проворчал настоящий полковник. – Молодое поколение пошло по стопам мамы и тети Лены! Излагай все по порядку, но сначала скажи – пацанята сильно шокированы?

– Нет, дети ничего не поняли. – Я включила режим «краткость – сестра таланта». – Они играли на газоне, нашли канализационный люк, открыли его...

– Как открыли? Он же тяжелый? – удивился Лазарчук. – Хотя пацаны у Максимовых, конечно, сильные...

– И умные, – добавила я. – Явно знают про рычаг и умеют разнообразно использовать палки! Вероятно, не так плотно он был закрыт. Короче, сначала мальчишки открыли люк, потом забили туда мяч. Мы с Ирккой заглянули, а там тело.

– Может, еще не труп? – обнадежился Лазарчук.

– Оно не шевелится и, кажется, пахнет!

– Труба дело...

– Канализационная...

– Шуточки свои оставь и готовься к серьезному разговору, сейчас ребята приедут, – осек меня строгий Серега. – От люка отойдите!

– А смысл? Масяня с Манюней, пока с мячом играли, уже все там затоптали!

– Все равно отойдите! Не дай бог, свалитесь и увеличите количество тел в этом чертовом люке!

– Есть отойти от люка! – Я предпочла не спорить с сердитым мужиком. – А кто приедет-то? Ты с ними будешь?

– Кто надо, тот и приедет! – Злой Лазарчук бросил трубку, а я пошла на аллею к Ирке и детям.

Непростая задача на протяжении четверти часа удерживать на лавочке непоседливых малышей требовала особых мер и средств – например, гвоздей или хотя бы скотча, и я уже готова была попросить его у подружки (у нее в сумке точно есть, я знаю), но Ирка нашла более изящное решение. Она выдала детям по козинаку, и они тут же вгрызлись в твердое лакомство, отключив ради скорейшей победы над ним все двигательные функции, кроме жевательных.

А пока Масяня и Манюня хрустели, как два бобренка, мы с Ирккой шепотом обсуждали сложившуюся ситуацию.

– Кто это, как ты думаешь? – спросила подружка, явно интересуясь личностью тела в люке.

– Одно из двух: либо молодая женщина, либо шотландский горец, – ответила я. – Я разглядела край клетчатой юбки выше колена.

– Колено волосатое?

– Вроде нет. А какая разница?

– Если волосатое – горец!

– Или неопрятная девица с небритыми ногами.

– Да, вариантов меньше не стало, – согласилась Ирка. – А как ты думаешь, она или он само упало в люк?

– «Упало» – это уже средний род, – не удержалась я от литературной критики. – Да кто ж его знает! Могло и само, если люк был открыт. Вот только кто-то ведь потом задвинул крышку – когда мы выпускали в загон твоих мальцов, дырки в газоне не было видно.

– И кто бы мог задвинуть эту крышку?

Я посмотрела на золотого Ангела на столбе и предположила:

– Строитель. Или Городской Архитектор. Или оба вместе. Они запросто могли сговориться и спрятать тело, если личность в клетчатой юбке случайно получила по голове упавшей каменной плиткой...

– Ты это сейчас мне что рассказываешь? – с подозрением спросила подружка.

– Ой, прости, – спохватилась я. – Это мне продолжение одной прекрасной современной пьесы привиделось...

– Бить или не бить – вот в чем вопрос! – продекламировала Ирка, продемонстрировав некоторое знакомство с прекрасными несовременными пьесами.

– Сейчас вопросов станет больше, – предупредила я, разглядев за деревьями паркующийся автомобиль следственной группы. – Давай сразу договоримся, что постараемся не ввязываться в это дело.

– А когда мы ввязывались?!

Я насмешливо покосилась на подружку.

– А, ну да, – стушевалась она. – Но мы же не нарочно, оно как-то само...

– Не виноватая я, он сам пришел, – пробормотала я, наблюдая приближение симпатичного, но сурового парня типичной наружности – среднего роста, атлетического телосложения, с короткой стрижкой и нарочито невозмутимым лицом.

Натуральный клон Лазарчука, только помоложе.

– Кого я вижу! – воспряла духом Ирка, проследив направление моего взгляда и улыбнувшись широко и плотоядно, как Баба-яга при виде заплутавшего Иванушки. – Касатиков, ты ли это? Здравствуй, здравствуй, Максимушка!

– Сто лет не виделись, и хорошо бы еще столько же, да разве бывает простому оперу такое счастье, – сокрушенно пробормотал лейтенант Касатиков в сценическом режиме «реплика в сторону». – Ирина Иннокентьевна, Елена Ивановна, как поживаете?

– Мы-то неплохо, а вот кое-кто у нас тут в ящик сыграл, точнее сказать, в люк. – Я сразу же взяла быка за рога.

Как говорится в среде клиентов Касатикова, раньше сядем – раньше выйдем.

– Да, обойдемся сегодня без реверансов, давайте ближе к телу, – посмотрев на часы, деловито предложила Ирка и встала с лавочки. – Оно в люке на том газоне. Вас проводить?

– Не надо, мы сами. – Макс взглядом и кивком перенаправил на пресловутый газон своих молчаливых коллег. – Будьте добры, подождите немного, у нас к вам будет пара вопросов.

– Знаем, знаем, – отмахнулась Ирка. – Идите уже, а то нам страшно интересно узнать, девица это или горец.

– Кто? – Двинувшийся было к кустам Касатиков споткнулся и замер. – Какой горец?!

– Ну точно не Дункан Маклауд, – фыркнула Ирка.

– Почему ты так уверена, что не Маклауд? – заинтересовалась я. – Разглядела, что на теле килт не той расцветки?

– Нет, просто Дункан Маклауд бессмертный, а в люке труп, – объяснила любительница покачать фильмы с торрентов.

И вроде доступно же объяснила, а лейтенант Касатиков посмотрел на нас, как на сумасшедших.

– Иди уже, Максимушка, – сказала я ему по-матерински ласково. – Наша компания не для слабонервных, юному оперу с неокрепшей психикой нужно держаться простых и понятных реалий...

– Типа труп в люке, – услужливо подсказала Ирка и собственноручно развела руками ближайший куст, организовав юному оперу с неокрепшей психикой персональный проход на полянку.

Кстати, в проломы, которые мы с подружкой своими телами пробили в зеленой изгороди чуть раньше, служивые не полезли, и это запоздало навело меня на мысль:

– Нужно сказать им, что эти дыры в кустах не имеют отношения к тому телу в люке!

– Не спеши, – остановила меня подружка. – Видишь, люди уже рулетки достали, замеры делать начали, не мешай – в кои-то веки им довелось поработать с прекрасными образцами субтропической зелени!

Мы развернулись на лавочке так, чтобы хорошо видеть происходящее, и скоротали с четверть часа, глаза на работу спецов Касатикова. Его это явно нервировало, он даже нажаловался на нас кому-то по телефону. Кому – быстро выяснилось: мне позвонил Лазарчук.

– Вы там что вытворяете, подружки-веселушки? – спросил он сердито. – А ну, прекращайте морально терроризировать старшего опергруппы! Мало вам того, что бедолага Касатиков теперь любых дружеских посиделок чурается, как черт ладана, даже на служебные корпоративы ходить перестал? Хотите из него убежденного женоненавистника сделать?

– Да ты что?! Мы же совсем наоборот! – запротестовала Ирка, которая прекрасно слышала претензии Лазарчука, поскольку я включила громкую связь. – Какого женоненавистника? Да я лично твоего Касатикова уже раз десять пыталась женить!

– О том и речь! – рявкнул полковник. – Ирина, я знаю, у тебя доброе сердце и куча бесхозной родни женского пола, но давай ты не будешь устраивать счастье моих подчиненных, а то мне работать не с кем станет, все разбегутся!

– Неблагодарные люди! – вскричала Ирка и надулась. – Спасибо бы сказали!

– За что?! За очередной труп?!

– Сережа, ты так это говоришь, будто мы сами его убили! – Я тоже обиделась.

– Его? Это мужчина?

– Не знаю еще! Но слово «труп» тоже мужского рода! – психанула я, коварно подпустив в голос одну хрустальную слезинку из предусмотрительно сэкономленных.

– Ладно, давайте все остынем, – включил заднюю Лазарчук. – Сейчас вас опросят как свидетелей, и идите по домам.

– А ты нам потом расскажешь, кто там, в люке? – оживилась Ирка.

– Нет! – гаркнул Лазарчук.

– Конечно, расскажет, – шепнула я подруге. – Куда он денется!

– А приходи к нам завтра вечером на пельмени? – Ирка подмигнула мне, а обратилась к Сереге. – Из того кабана, которого вы с Моржиком в прошлые выходные завалили?

– Ну не знаю...

– Пельмешки из кабана и домашний самогон из абрикосов! – поднажала коварная соблазнительница.

– И яблочный пирог с орехами и безе! – добавила я, точно зная слабое место сильного мужчины.

Лазарчук у нас анонимный сладкоежка. В смысле, он осознает свою пагубную зависимость от десертов, но избавиться от нее никак не может, поэтому попросту скрывает от ответственности и отводит душу только в кругу друзей. А мы ему как раз они – старые верные друзья.

– Ладно, заеду к вам завтра часиков в восемь, – сдался полковник, и мы с Иркой стукнулись ладошками.

Вот так и определились наши общие планы на вечер следующего дня.

День второй

– Дети, в школу собирайтесь! – с чувством, которое я не смогла разделить, вывела певчая черепашка-будильник.

– Кто?! – рыкнула я, вслепую цапнув и хлопнув об пол ненаглядную певунью.

– Кто дети? – вялым бормотанием уточнил вопрос Колян.

– Кто завел это ж-животное на...

Я подняла черепашку, взглянула на ее набрюшный дисплей и закончила еще более гневно:

– На семь утра!

– Ой, это я!

Супруг вихрем вылетел из постели, попутно завалив меня сброшенным с себя одеялом и частями пижамного костюма.

– Я записался в автосервис на половину восьмого, нужно, чтобы мастер посмотрел машинку, у меня там что-то стучит...

– Я бы тебе тоже сейчас настучала, – проворчала я, проводив ретирующегося диверсанта недобрый взглядом.

– Руки коротки! – победно провозгласил он и скрылся в ванной, успев закрыть за собой дверь за секунду до того, как в нее врзалась черепашка, которую я легким движением руки превратила из певчей в перелетную.

Певунья с замедлением и понижением голоса до хрипящего баса протянула:

– Пету... шок...

– Ага, я тоже в шоке, – согласилась я, отбрасывая с себя покровы.

Вставать в семь утра, когда тебе вовсе не нужно на работу, ужасно обидно! Но не встать нельзя, потому что накормить уходящего мужа завтраком – священный долг жены. Конечно, если уходит он не к другой женщине, а по делам, особо важным для благополучия семьи.

– Яичницу с помидорами или с колбасой? – услужливо спросила я, встав под дверь ванной со сковородкой наготове.

– С ко... Ой! – Колян приоткрыл и снова захлопнул дверь.

– Значит, с колбасой. – Я поняливо заполнила пробел и пошла в кухню. – Выходи, не бойся! Я великодушно прощаю тебе этот ранний подъем.

– И чего мне будет стоить твое великодушное прощение? – не спеша радоваться внезапной амнистии, уточнил мудрый муж.

– Привезешь из кафе на заправке горячий круассан с ванильным кремом.

– Три горячих круассана с ванильным кремом! – уточнил заказ ломкий бас из условной детской.

– Мы кого-то ждем? – удивилась я.

– Нет, но круассаны я буду есть за двоих! – Сделав это программное заявление, сынище с топотом проследовал в ванную.

– После обеда, – уточнил Колян. – Вернуться до обеда я не успею.

– После обеда, до обеда – не важно, лишь бы не вместо обеда! – покричал из ванной сговорчивый потомок.

И день покатился, набирая обороты.

Я накормила семейство завтраком, выпроводила мужа в сервис, а сына – на тренировку, вымыла посуду, сварила борщ и уже всерьез раздумывала, а не помыть ли в самом деле полы, когда мироздание требовательным телефонным звонком оповестило меня, что у него другие планы, более творческие.

Звонил Витя Гриценко – коммерческий директор местной радиостанции «Казачья радость».

– Привет, Витек, чем порадуешь? – спросила я его.

– Ох, как мне надоела эта избитая шуточка, хоть переименовывай радиостанцию, – вздохнул мой собеседник. – Вообще-то я надеялся, что это ты меня порадуешь. Ты же ушла с ТВ?

– Скорее, вышла, – поправила я. – Свежим воздухом подышать. Там у нас, знаешь, стало дурно пахнуть...

– То есть в настоящее время ты свободна, так?

– Смотря для чего, – уклончиво ответила я.

– Ты обещала, когда будешь свободна, начитать свою книжку!

– Ах, книжку! – Я и забыла, что Витя давно порывается открыть родимому радио новый денежный канал, наладив выпуск аудиокниг. – Да, это я могу. Когда и почему?

– Можно прямо сегодня и за нормальные деньги, не беспокойся. Приезжай к полудню, подпишем договор – и сразу в студию.

– Утром деньги – вечером стулья, то есть студия, – предупредила я.

– Я понял тебя, жадина, и дам тебе аванс, – вздохнул Витя.

– Это прямо готовая строка для романа! – восхитилась я. – Спишу слова для подруги, она у меня поэтесса. Договорились, я буду у тебя, едва исчезнут тени.

– Тени сомнения? – не понял Витя.

– Просто тени. Черненькие такие! Ты что? Это же была отсылка к названию фильма «Тени исчезают в полдень»!

– Не смотрел, – признался коммерческий деятель и отключился.

– Что за поколение выросло – не знают классики отечественного кинематографа! – пожаловалась я кастрюле с борщом.

Она согласно булькнула.

Снова запел телефон.

– Сова, это Медведь! – деловито озвучила пароль моя лучшая подруга. – Сегодня ты нужна мне как женщина.

– Ты поменяла ориентацию? – удивилась я. – Так внезапно, даже не посоветовавшись?

– Ты нужна мне как нормальная советская женщина, умеющая лепить пельмени. – Ирка конкретизировала смелый запрос. – Сегодня у нас званый ужин на восемь персон, из них шестеро – это прожорливые мужики, а в меню сложные блюда домашней кухни, так что отсидеться в тылу и явиться красивой к накрытому столу у тебя не получится.

– Я на это и не надеялась, – соврала я.

– Отлично, тогда готовься морально и физически, сейчас я заеду на рынок, потом за тобой, и мы поедем в четыре руки готовить ужин.

– Только мне нужно будет еще в одно место заскочить, – предупредила я. – Отменить не могу, это по работе.

– Ты же ушла с работы?

– С одной ушла, на другую пришла! Мне позвонили с радио, тамошний коммерческий директор предложил начитать аудиокнигу.

– Так мы поедем на коммерческое радио? – обрадовалась подруга.

Как все графоманы, Ирка амбициозна и страстно мечтает о славе, а кто же ей ее создаст, если не продажные медиа?

– Чур, ты возьмешь меня с собой! – По энтузиазму в голосе стало ясно, что Ирка загорелась новой идеей.

– Да, если ты будешь хорошо себя вести.

– А когда я себя плохо вела?

– А когда я тебя на телешоу привела, забыла? Или ты думаешь, что забросать ведущих спелыми помидорами – это хорошее поведение?!

– Они же говорили в эфире жуткие глупости!

– А на радио, ты думаешь, исключительно Цицирона цитируют?

– Кого?

– Не важно. Просто запомни: на всех, кто говорит в эфире жуткие глупости, никаких помидоров не хватает.

– Ну не знаю, не знаю, – усомнилась подружка. – Ладно, если мы обо всем договорились, то я выезжаю на рынок.

– Только помидоры там не покупай! – успела еще крикнуть я.

Впрочем, это уже была перестраховка. Не станет же Ирка забрасывать медийный люд сочными овощами прямо с порога радиостудии, даже не познакомившись! Вот потом, после прослушивания подружкой одного-другого эфира, действительно имеет смысл проверить ее карманы и сумку на предмет наличия в них чего-нибудь подходящего для прицельного бомбометания...

Коммерческая радиостанция «Казачья радость» входит в один медиахолдинг с нашим городским телевидением и помещается в том же здании, только двумя этажами выше. Мне пришлось постараться, чтобы не попасться на глаза никому из оскорбленного моим дезертирством телевизионного начальства, но точно в полдень я вошла в кабинет Гриценко и вышла из него всего лишь четверть часа спустя, помахивая своим экземпляром свежеподписанного договора. Свободной от этих важных бумаг рукой я непроизвольно поглаживала карман, чем сама себе напоминала Городского Архитектора из собственной микропьесы. Впрочем, это действие имело сугубо символический характер: Витя выдал аванс не наличными, а перевел обещанные деньги на банковскую карточку. Сумма мне перепала небольшая, но достаточно симпатичная для того, чтобы вдохновить на срочную работу.

– Ну где тут ваши рудники? – показательно засучив рукава, спросила я Витю, который вышел из кабинета вместе со мной, чтобы пристроить меня в нужный забой.

– Иди по этому коридору, твоя шахта будет крайняя слева, – сориентировал меня Гриценко. – Звукореж тебе все расскажет, ты его слушайся, пожалуйста, он у нас очень толковый. Зовут Дима.

– Дима так Дима. – Я послушно свернула за угол в упомянутый коридор. – Тебе спасибо, всего хорошего, и до новых встреч!

– Да, да, я помню, что ты еще придеешь ко мне за остатком гонорара, – не затруднился с пониманием повода для новых встреч бывалый комдир. – Пока! Диму не обижай! Он тебя ждет, специально штормку приготовил.

– Не помню, чтобы ты когда-нибудь обижала хоть какого-нибудь Диму, – пробормотал мой внутренний голос. – И чего это Витя так о нем волнуется? Вроде у него все в порядке с ориентацией – две бывшие жены, одна действующая, постоянная любовница и еще временные подружки из числа подчиненных.

– Может, этот Дима Вите какая-то родня? – предположила я, устремляясь к нужной студии в обход многочисленных лавочек. – Или Гриценко о нем исключительно из мужской солидарности радеет?

Узкий длинный коридор напоминал больничный: сине-зеленая краска на стенах, ряд глухих дверей, узкие лавочки для ожидающих. Правда, длинных очередей не наблюдалось, лишь на одной скамеечке высились две фигуры, одна из которых была незабываемых монументальных очертаний. Она-то и выбросила могучую руку, как шлагбаум, препятствуя мне проскользнуть к дальней студии.

– Стой, кто идет! – воинственно вскричала моя подруга. – Ленка, ты почему проходишь мимо?

Виноватое «Ой, прости, я тебя не заметила!», адресованное стокилограммовой фигуристой даме с ярко-рыжей шевелюрой в виде пылающего стога, прозвучало бы неубедительно. Ирка с ее габаритами и харизмой не затерялась бы и в толпе ирландцев, массово пляшущих рил на праздновании Дня святого Патрика, поэтому я честно призналась:

– Хотела побыстрее познакомиться со звукорежиссером Димой.

– Не стоит, – мрачно обронила сублильная дамочка, сидящая рядом с Ирккой.

– Это Соня, – представила ее мне подружка. – Соня, это Лена. Соня тут штатный диктор, ее приглашают начитывать тексты для рекламы. Хотя я, честно, не понимаю, какая это может быть реклама, если тут какие-то обрывочные фразы!

Ирка совершенно бесцеремонно выхватила у мрачной Сони соединенные скрепкой листы и с выражением прочитала:

– Любимый, прости меня, я поцарапала машинку! Я виновата, ты накажешь меня?

– Вероятно, дальше будет реклама автосервиса, – предположила я, попытавшись поднырнуть под импровизированный шлагбаум.

Не вышло – Ирка вовремя опустила руку ниже, продолжая меня задерживать.

– А вот и нет, дальше вовсе не про автосервис! – объявила она. – Дальше тема резко меняется: «Ах! Это же был мой любимый кружевной комплект»! Вот скажи мне, какая связь между машинкой и кружевами?

– Может, речь о швейной машинке? – Я снова поднырнула под руку-шлагбаум и на сей раз преуспела. – Ирка, не задерживай меня, нам еще пельмени лепить!

Аргумент сработал – подружка вспомнила, что нам бы надо освободиться из радиорудников поскорее, и благословила меня на трудовой подвиг в узких временных рамках:

– Ты уж постарайся управиться там побыстрее!

Я кивнула и мягко толкнула дверь нужной студии, не спеша оповещать звукорежа о своем появлении стуком и приветственными возгласами, чтобы не помешать этим какому-нибудь рабочему процессу.

Но мужичок за пультом не работал, а увлеченно ел бублик, так что я сочла возможным нарушить режим молчания и пожелать ему приятного аппетита. Не ожидавший этого бедняга подавился крошками, и мне пришлось энергично похлопать его по спине, после чего чопорно обмениваться рукопожатием показалось нелепым. Поэтому я просто опустилась на свободный стул и сообщила:

– Я Елена, меня Гриценко прислал к вам аудиокнигу начитывать. Вы же Дима?

Мужичок, едва успевший снова закусить свой бублик, опять мучительно закашлялся.

– Пугливый какой, – неодобрительно молвил мой внутренний голос. – Прям трепетная лань! Теперь понятно, почему Витя просил его не обижать – такой сам себя обидит до смерти при первом удобном случае в виде черствого бублика. Похлопай его, что ли, снова, пока он коньки не отбросил!

Но я нашла другое решение – подала чахоточному водички из кулера.

– С-с-спаси-ибо!

– Ой, боже, он еще и заикается! – разжалобился мой внутренний голос. – Звукореж-заика, это же надо!

– Сапожник без сапог, – пробормотала я.

Предмет беседы опустил взгляд на свои ноги в стоптанных домашних тапочках и мучительно покраснел.

– Сейчас вообще в припадке зайдетесь! – предупредил меня внутренний голос. – Давай уже без шуточек, иначе ты отсюда до вечера не выйдешь! А Дима этот вообще никогда не выйдет, его вынесут вперед ногами в этих самых тапках.

– Не могли бы мы уже приступить к работе? – спросила я багрового икающего мужичка со всей возможной деликатностью.

– Ха... Ха... Ха...

– Это он так злодейски хохочет? – Мой внутренний голос озадачился, но мужичок сумел договорить:

– Хорошо! – И мы с голосом успокоились.

– Те... Те... Те...

Дима отвернулся к захламленной тумбочке, зашуршал там бумагами, и я сама догадалась:

– Текст?

– Да! – Звукореж признательно кивнул. – Чи-читали?

– Писала!

– Ат... Ат... Ат...

– Атом? Атавизм? Атеист? Атлас? Атеросклероз? Атрофия головного мозга?! Черт, не могу придумать ни одной уместной реплики, начинающейся с этого слога! – занервничал мой внутренний голос.

– Ат-лично! – выдал Дима и протянул мне слегка помятую распечатку. – Сы... Сы...

– Сыр, сын, сыч, сыск, сытость? – старательно сдерживая бешенство, ускоренно перебрал варианты мой внутренний голос. – Сычужный, не побоюсь этого слова, фермент?

– Сы-сы-с п-первой сы-сы...

– Секунды? Страницы?

– Да!

– Кажись, взаимопонимание налаживается, – обнадежился мой внутренний голос.

– Читаю с первой страницы? – уточнила я. – И до какой? Ой, нет, не надо, не отвечайте! Буду читать ровно час, как обычно, можете меня не останавливать!

Я выхватила распечатку с текстом и убежала в кабинку.

Узкая, тесная, для лучшей звукоизоляции встык обитая коробочками из-под яиц, она здорово походила на вертикальный гроб. Сходство портили только небольшое окошко с видом на Диму за пультом и микрофон на штативе.

Поймав мой взгляд, звукореж потыкал пальцем в наушники и надел их. Я сделала то же самое (только пальцем не тыкала) и деловито изрекла в микрофон:

– Раз! Раз, два, три, четыре, восемь!

– А где пять, шесть и семь? – улыбнулся звукореж.

– С ума сойти! Он не заикается, когда работает! – приятно удивился мой внутренний голос. – Ну слава богу! У тебя появился шанс благополучно сделать эту начитку и не убить ни его, ни себя! Я уже начал думать, что придется вернуть аванс, а не хотелось бы...

Я кивнула – да, возвращать полученные денежки было бы очень неприятно.

Звукореж, на радость мне обретший дар человеческой речи, принял мой кивок за сигнал готовности и дал отмашку:

– Раз, два, три... Пишем!

– Шторку! – напомнила я.

Ну есть у меня такой бзик – не люблю делать начитку, когда на меня кто-то таращится. Коллеги об этом знают и специально для меня оснастили окна в звукоизолированных каморках кто ширмочкой, кто жалюзи. Дима вот шторку приспособил, явно кто-то из бывалых ему о моей привычке рассказал. Приятно: мы с этим Димой еще и знакомы не были, а он уже хлопотал, желая мне угодить. Решено: не буду его обижать.

Звукореж задернул занавеску, скрывшись с глаз моих, и мы начали работать.

Через час я вышла из студии, душевно попрощавшись со звукорежссером, который снова начал заикаться, как только снял наушники, и потому надолго застрял на своей финальной реплике:

– Да... Да... Да...

– Полагаю, это «До свиданья», хотя вполне может быть что-нибудь более эмоциональное, вроде «Да здравствует обеденный перерыв!», – рассудил мой внутренний голос.

– Да, есть уже хочется, – согласилась я, хлебнув водички из стаканчика, прихваченного на дорожку из студии – в горле после долгой громкой читки першило.

Взглядом я ассоциативно поискала в окрестностях потенциальный источник вкусной и здоровой пищи, то есть Ирку, которая недавно ездила за продуктами на рынок, но подружки в коридоре не было. Внештатная дикторша Соня тоже отсутствовала.

Я проследовала в приемную, по пути зачем-то искательно заглядывая под лавочки, как будто Ирка могла там спрятаться, хотя она точно не могла – не поместилась бы.

– Может, кофе? – предложила мне любезная секретарша в приемной, увидев в моей руке сиротский пластиковый стаканчик с простой водой.

– Спасибо, нет, хотелось бы чего-то посущественней, – отказалась я.

И строго в тему чего-то весьма существенного спросила:

– Вы не видели, моя подруга не выходила?

– Худенькая брюнетка? Она не просто ушла – убежала! – ответила секретарша, артистично округлив красиво нарисованные глаза.

Видно было, что она тоже пожертвовала ради безупречных стрелок на веках утренним завтраком. А ради макияжа в целом – еще и ночным сном. Такое лицо само по себе не образуется! На такое лицо уходит тонна времени и примерно столько же декоративной косметики.

– Худенькая брюнетка – это не моя, – отказалась я, помотав головой, потому что менее подходящее описание Иркиной внешности трудно было придумать. – Моя подруга похожа на Венеру Боттичелли, только постарше и размера Три Икс Эль!

– Такая? – Секретарша, продолжая таращить глаза, указала наманикюренным пальчиком мне за спину.

Я обернулась и узрела в открывшемся дверном проеме сияющую искренней радостью подружку.

– Где ты была и что там делала? – спросила я с подозрением, потому что точно такое же блаженное выражение лица у Ирки было в тот момент, когда она с дивной меткостью вцепилась сочным томатом в лицо ведущего телешоу «Важный разговор», украсив его благородную физиономию красным клоунским носом. А он, надо сказать, здорово диссонировал с серьезной темой.

– Я была диктором! – Счастливая подружка обмахнула раздумывавшееся лицо бумажными листами. – Поздравь меня, теперь я работаю на радио!

– Да? – Я оглянулась на секретаршу, но она только пожала плечами. – И как же тебе это удалось?

– О, очень просто! Но я все расскажу тебе по пути домой. – Ирка выбросила вперед руку, как кальмар – щупальце, сдернула меня с места и уволокла за дверь.

– Да... – прощально вякнула я в стиле заики-звукорежа: «свиданья» уже досталось вахтеру на входе.

К теме стремительной карьеры Ирки в медиамире мы вернулись уже в машине.

– Ну и как же ты так внезапно стала диктором? – спросила я, едва устроившись на пассажирском сиденье и пристегнув ремень.

Если в машине нет ее мелких, Ирка заочно, но всерьез конкурирует с Шумахером.

– Просто повезло, – подозрительно уклончиво ответила подружка, срывая машину с места.

– Ты прогнала малышку Соню, отняла у нее бумажки с текстом, вломила в студию, взяла в заложники звукорежа и не отпускала его, пока он не записал твою начитку? – предположила я.

– Ха, а ты меня неплохо знаешь! – довольно хмыкнула Ирка. – Только Соню я не прогнала и бумажки у нее не отнимала, она сама убежала, забыв их на лавочке.

– С чего бы это она сама убежала? – не поверила я. – Ей за начитку деньги бы заплатили.

– У нее дома беда случилась, соседи снизу позвонили с криком, что она их заливает. Орали так, что мне все было слышно даже без громкой связи! В такой ситуации, сама понимаешь, Соне надо было срочно бежать домой и перекрывать там воду.

– Бедная Соня!

– Дважды бедная, – кивнула подружка. – Во-первых, ей придется компенсировать ущерб, нанесенный соседям, а во-вторых, она не получит деньги за начитку.

– Потом начитает.

– Не-а! Звукореж сказал, что я это сделала гениально, так что теперь эта работа моя! – похвасталась Ирка.

– Я рада за тебя, но с Соней как-то неудобно получилось.

– Я ей что-нибудь приятное сделаю, – подумав немного, решила Ирка.

Моя подруга нахалка, но совестливая.

– Например, подарю японский бонсай в горшке – у нас в магазине как раз появились такие, – немного подумав, сообщила она. – Очень классные: дерево и фонтанчик в одном флаконе!

– Ага, и журчание фонтанчика будет вечно напоминать бедной Соне о трагических обстоятельствах, сопутствовавших вашему знакомству, – съязвила я.

– Ладно, тогда не бонсай. Подарю ей живую голубую ель, к Новому году будет самое то, – не ступевалась владелица магазина садово-огородных подарков. – Все, довольно про бедную Соню, давай подумаем, как будем подбираться к Лазарчуку с расспросами про тело в люке!

– Не обязательно сразу к Лазарчуку, кое-какую информацию можно получить по официальным каналам. Совсем забыла, хотела же Мусоргской позвонить, – спохватилась я, залезая в свою сумку в поисках мобильного.

Настасья Мусоргская уже лет десять работает в пресс-службе краевого ГУВД, а когда-то была моей коллегой по новостной редакции местного телеканала. До сих пор не понимаю, как она могла поменять богатую разнообразными событиями жизнь тележурналиста на скучное прозябание в режимном учреждении. Сама Настасья шутит, что это было неизбежно – мол, фамилия у нее такая, что к мусорам – прямая дорога. Хотя с той же вероятностью фамилия Мусоргская могла привести ее и в дворницкую, и в консерваторию, я считаю.

– Пресс-служба Главного управления внутренних дел, капитан Мусоргская, – голосом, в котором занятно смешались вежливость, безразличие и робкая надежда на то, что вот сейчас беспрсветная скука хоть немножко развеется, ответила мне экс-коллега.

– Привет, сорокалетний капитан! – сказала я бодро. – Ты еще не покрылась пылью, не поросла мхом, не забронзовела в величии?

– С вами, журналогами, разве забронзовеешь? – Приятельница заметно повеселела. – У меня сегодня по разным темам девять запросов от вашего брата!

– Считай, что я к тебе с десятым – юбилейным!

– Прям праздник на моей улице, – хмыкнула Настасья. – Ты же прекрасно знаешь, что неофициальные запросы мы не принимаем! Пиши на почту пресс-службы...

– Да что там писать, у меня элементарный вопрос, даже не вопрос – детализация рабочего процесса!

– Какого процесса?

– Штатного! Добавь, пожалуйста, мой электронный адрес в свой список рассылки криминальной хроники.

– И ты будешь черпать из нее темы для своих детективов? Ну нет! – Экс-коллега, нехстати превратившаяся в полицейскую капитаншу, заупрямилась. – Наша рассылка уходит только в лояльные властям муниципальные СМИ.

– Так ты не личный адрес добавь, а почту нашей с Тетеркиным общественно-полезной программы на городском телевидении! – ловко вывернулась я, пребывая в уверенности, что за высокие стены ГУВД края новость о моем очередном уходе с муниципального ТВ еще не проникла. – Добавишь?

– Это можно, – согласилась Настасья. – Давай почту программы, я как раз собираюсь делать рассылку со сводкой за вчерашний день.

– Спасибо, дорогая!

Я продиктовала Настасье электронный адрес телепрограммы, надеясь на то, что после моего демонстративного ухода разозленная редакторша Катя Серебрянникова не сменила пароль.

Не сменила! Закончив разговор с Мусоргской, я с мобильного вошла в почту программы и минут через десять – мы с Ирккой как раз удачно застряли в пробке на выезде из города – в нее упало обещанное письмо от пресс-службы полицейского управления.

– М-да, криминогенная ситуация в нашем городе оставляет желать лучшего, – отметила подружка, покосившись на меня, прокручивающую на экране смартфона бесконечный список происшествий.

Я пожала плечами – мол, что поделаешь, наш город не зря недавно официально признали миллионником! – и отфильтровала ЧП по локации «Городской Сад».

Доложила подружке:

– Осталось только три упоминания! Так, что тут у нас...

– Дай сюда! – Новоявленная радиодикторша бесцеремонно вырвала у меня смартфон и звучным голосом сестры-близняшки Левитана торжественно зачитала с экрана: – Около восьми часов утра пенсионерка Кострова Мария Никаноровна разбила стекло в окне кабинета директора парка «Городской Сад», бросив в него камень, подобранный, по ее словам, у основания монумента «Ангел мира». Прибывшему наряду полиции гражданка Кострова, не выбирая выражений, эмоционально объяснила, что упомянутый камень в падении травмировал ее любимую собачку, что и стало причиной выпада пенсионерки против нерадивой парковой администрации.

– А собачка не пекинес? – встрепенулась я.

– Не знаю, тут не написано, а что? Ты знакома с этой буйной старушкой?

– Нет, просто я случайно в курсе, что у нее жутко невезучая собачка. Совсем недавно вот так же во время прогулки какие-то злодеи вывалили ее в какашках.

– Ужас! – Ирка содрогнулась. – Так, значит, бабуля еще была необыкновенно добра и гуманна! Не представляю, что бы сделала я, если бы кто-то вот так обошелся с *моей* любимой собачкой!

– Действительно, ужас! – тоже вздрогнула я.

Иркина любимая собачка – мастиф ростом с лошадку. Чтобы полностью вывалить его в этом самом, понадобилось бы опустошить цистерну ассенизационной машины. А чтобы травмировать Иркиного песика, пришлось бы обрушить на него весь столб с металлическим ангелом наверху, а не просто одну плиточку прицельно уронить.

– Да я бы это здание администрации парка по камешку раскатила! – взъерилась любительница домашних животных. – Да я бы этому директору...

– Да ты ему и так уже неплохо подгадила, найдя на его территории труп, – напомнила я, и Ирка сдулась.

– Да, кстати, а где тут наш труп? – Подружка вспомнила, что именно мы искали в сводке.

– Дай сюда. – Я отняла у нее свой мобильник и по диагонали пробежала глазами второе сообщение. – Это тоже не то, тут про кражу в парке детской коляски...

– С ребенком?! – ужаснулась подружка. – Да я...

– Не знаешь, что бы сделала, если бы у тебя украли коляску с твоими ребенками, – понативно кивнула я. – Полагаю, что демонически захохотала бы и срочно села в ближайшем кафе пить кофе с пирожными, торопясь успеть до того момента, пока Масыню и Манюню в коляске вернут тебе с доплатой.

Ирка хохотнула:

– С большой доплатой! Помнишь, как однажды...

– Потом вспомню, – пообещала я. – Давай не уходить от темы, вот, я нашла нужное. Примерно в четырнадцать часов в смотровом колодце ливневой канализации на территории парка «Городской Сад» был обнаружен труп неизвестной женщины. Установлено, что смерть ее наступила двумя днями раньше в результате перелома шейных позвонков...

– Я вижу, у полицейской пресс-службы проблемы с точностью! – возмутилась Ирка. – Во-первых, не «примерно в четырнадцать часов», а в тринадцать тридцать шесть! Когда мои детишки завывали, я специально посмотрела на часы, проверяя, не сигнал ли это учебной тревоги, его обычно в полдень включают. Во-вторых, что значит «два дня раньше»? Разве полиция оперирует днями, а не часами?

– Это релиз пресс-службы, а не внутренний документ полиции, Настасья с коллегами явно фильтруют и редактируют информацию. – Я пожалала плечами. – Мне другое не нравится: из текста неясно, была ли смерть этой неизвестной женщины насильственной. То есть это убийство или несчастный случай?

– А вот это мы попытаем у Лазарчука, – пробормотала подружка и нажала на газ.

До фамильного гнезда Максимовых в пригороде мы доехали в суровом молчании, которое лишь изредка прерывалось Иркиным угрюмым бормотанием. Подружка запоздало переживала из-за того, что ее детки, играя в парке на лужайке, оказываются, подвергались реальной опасности переломать себе косточки в люке. Я не стала напоминать ей, что малыши сами же его и открыли. Там, где резвятся дети, действительно не должно быть таких опасных ловушек.

– Есть предложение поддержать протестное движение пенсионерки Костровой – наведаться в администрацию парка и еще что-нибудь там разбить, – предложила я Ирке, стремясь вернуть ей оптимистичный взгляд на жизнь.

– Например, морду директору. – Подружка кровожадно оскалилась, но заметно повеселела.

Торжество справедливости – это всегда радует, не правда ли?

– Не подвиг, конечно, но что-то героическое в этом есть! – объявила Ирка, снимая и решительно отбрасывая в сторону кухонный фартук.

– Еще какой подвиг! – заспорила я, переводя взгляд с колонны свежeweымытой посуды на окно, за которым в розовых предзакатных лучах на зеленой лужайке комфортно расположились эксплуататоры – Моржик, Колян, Лазарчук и Касатиков, прибывший вместе со своим боссом.

Даже не знаю, зачем Серега его притащил. Ирка решила, что это что-то вроде извинения – мол, Лазарчук одумался, раскаялся и дал понять, что на самом деле не возражает против того, чтобы его парней охмуряли и окольцовывали девицы Иркиного клана. Я не стала разочаровывать подружку, но подумала, что это скорее наказание, чем поощрение: похоже, Максимушка проштрафился, и Серега покарал его, заставив провести вечер в нашем пугающем обществе.

Хотя оно не было таким уж пугающим.

Или я просто привыкла?

Ужин сопровождался милым дружеским трепом. Колян в красках повествовал о взлетах и падениях биржевых курсов криптовалют, Моржик живописал свою последнюю рабочую поездку в Голландию, Ирка щедро делилась впечатлениями от дебюта на радио, я тестировала на фокус-группе сюжет задуманного детектива, дети вопили, хохотали и сражались за лучший кусок пирога – и все это одновременно, разумеется, но у нас так всегда. Потом Коля-младший надел наушники и возлег в гамак – слушать музыку и подпевать своим кумирам-рэперам, а Масяня с Манюней, осмотрительно держась вне поля зрения меломана, зажигательно плясали под его вокал а капелла. Любящие родители, созерцая это шоу, хохотали и аплодировали, а вот Касатиков и Лазарчук весь вечер преимущественно молчали. Серега – потому что за обе щеки уписывал сначала пельмени с кабанятиной, а потом свой любимый пирог, а Максимушка – потому что откровенно боялся ляпнуть что-нибудь лишнее.

Вообще-то я его понимала: обмолвится парень ненароком, что давно не вкушал такой дивной домашней еды, – и Ирка тут же разовьет эту вполне невинную фразу ритуальным «О, у вас купец, а у нас товар!», активно сватая Максу одну из своих многочисленных родственниц. Но мы с подружкой твердо решили вытряхнуть из полицейских друзей-товарищей детали и подробности, которых не было в релизе пресс-службы, так что отмолчаться гостям было не суждено.

Уже в потемках Ирка уложила спать близнецов, а я сопровождала на ночлег в мансарде своего условно мелкого. Затем мы с подружкой в четыре руки стремительно перемыли посуду и пошли украшать собой мужскую компанию в саду.

Шли эффектно, по длинной дорожке света от открытой двери, как по подиуму, модельной походкой от бедра, лелея коварные замыслы и поигрывая молотками, которые прихватили для того, чтобы колоть орехи (официальная версия) и ментов.

– У меня сердце замирает, когда я это вижу! – доверительно поведал Иркиному супругу мой собственный.

– Добавь в голос радости! – крикнула чуткая я.

– А мне хочется дополнить ландшафт нашего сада окопом поглубже, – признался моему мужу Иркин.

– Рой сразу на две персоны, пожалуйста, – попросил Моржика Колян, и они обменялись рукопожатием.

– Вот такая она – счастливая семейная жизнь? – не сдержавшись, опасливо пробормотал Касатиков.

– Смотри, слушай, привыкай! – Ирка покровительственно похлопала лейтенанта по крутому плечу и игриво взгромоздилась полубоком на колени Моржика, отчего тот крякнул, а стул под ним скрипнул и глубоко ушел в землю.

– Может, сменим тему? – ожидаемо занервничал Макс.

– Легко, – согласилась я, переставляя свой стул так, чтобы хорошо видеть Лазарчука и при этом оставаться в тени. – Есть одна важная тема... Готовы? Люк!

– Скайуокер? – заинтересовался Колян – большой поклонник «Звездных войн».

– Лучше «Джимми Уокер»! – Моржик с намеком помахал початой бутылкой, изъявляя желание наполнить бокалы.

– Ничего-то вы не знаете, – вздохнула я, одарив супруга сочувственным взглядом. – Настоящие драмы разворачиваются не на просторах Вселенной, а совсем рядом с нами!

– Где?! – Колян заинтересованно огляделся, демонстрируя похвальную готовность к драмам.

– На газоне! – перебила меня Ирка, не дав дипломатично зайти издали – с расстояния в пару-тройку парсеков.

Моржик тоже огляделся, явно удивленный тем, что на его газоне есть что-то, ему доселе неведомое.

– Да не на нашем газоне! – досадливо уточнила Ирка. – На лужайке в Городском Саду! Там, чтоб вы знали, люк!

– Скайуокер?! – Колян ужасно обрадовался.

Еще бы, Городской Сад находится в двух шагах от нашего дома, это же какая близость к кумиру!

– Стоп, мы пошли по кругу! – Я жестом остановила подружку. – Давайте я сразу объясню, что речь идет о самом обычном люке над канализационным колодцем...

– С необычным содержимым! – снова влезла неукротимая Ирка.

– И разнообразными функциями. – Я сдалась, принимая навязанный подружкой формат подачи информации дробно, мелкими порциями. – Сначала там были только стоки...

– Потом мяч, который забили туда малыши...

– А еще потом нашелся труп!

– Женский!

– Со сломанной шеей!

– Двухдневной давности!

– И мы считаем, что вправе знать, кого нашли! – припечатала я и с вызовом посмотрела на Лазарчука.

– Так вы же уже все знаете, – попытался он вывернуться. – Интересно, откуда?

– Сказала бы – от верблюда, но не хочу обижать уважаемого специалиста пресс-службы ГУВД, – ответила я. – Колись, Серега! Ты же понимаешь, что мы не отстанем!

– А если ты нам не расскажешь, кем была та труп...

– Был. – Я машинально поправила речевую ошибку подруги. – Слово «труп» мужского рода.

– Кем была та трупка... Трупша... Трупиха? – Ирка забуксовала. – Трупесса?

– Давай переформулируем: кем была та мертвая женщина? – предложила я.

Ирка признательно кивнула и закончила угрозу:

– Если ты, Серега, не расскажешь нам, кем была та мертвая женщина, то мы не успокоимся, пока не выясним все самостоятельно!

– То есть нас сейчас бессовестно шантажируют, угрожая вредоносно путаться под ногами у следственной группы. – Опытный опер Лазарчук разъяснил ситуацию молодому специалисту Касатинову.

– Блефуют? – предположил молодой и зеленый.

– О нет! Так и будет! – уверенно напрогнозировал бывалый.

– Ставлю на наших девочек! – громко нашептал Моржику Колян.

– Не спорю! – Верные мужья задорно стукнулись ладонями.

– Ага, будет следствие, значит, та женщина не сама сломала шею! – Я поделилась с подружкой выводом, сделанным из слов Сереги, и мы тоже ударили по рукам.

– Ну конечно, та женщина не сама сломала шею, – сдаваясь, вздохнул Лазарчук. – Если бы она случайно провалилась в люк, то падала бы вертикально, головой вверх, и сломала бы – что?

– Ноги, – понятно кивнула я. – А она, значит, влетела в колодец головой вперед? Да, такой трюк без посторонней помощи не проделать...

– Ну почему? – вмешался Колян, вовремя вспомнив, что у него первый разряд по плаванию. – Теоретически при определенном навыке можно рыбкой нырнуть в люк, как в воду, так что я бы не исключал самоубийство!

– Исключай, – посоветовал Лазарчук. – Габаритами та гражданочка была схожа с нашей доброй подругой Ириной Иннокентьевной, а диаметр люка всего шестьдесят сантиметров – неподходящие условия для циркового прыжка в кольцо с разбега. Нет, она ухнула в колодец строго вертикально, причем, ее еще проталкивать пришлось.

– Он дал понять, что я толстая?! – грозно спросила меня подружка, с подозрением глядя на Лазарчука.

– Нет, он дал понять, что это было убийство, – вывернулась я. – Так кто у нас жертва-то?

– Еще не знаем, документов при ней не было, изучаем заявления о поиске пропавших, – ответил Лазарчук и посмотрел на часы. – Возможно, кто-то заявлял об исчезновении женщины – около тридцати пяти лет, европейского типа, рост сто шестьдесят пять сантиметров, телосложение крупное, Касатиков, продолжай!

– Голова средней высоты, круглой формы, волосы темные, прямые, средней густоты и длины, линия роста волос М-образная...

– Это как? – встряла Ирка.

– Как у вампиров в мультиках, не перебивай! – быстро ответила я. – Макс, давай дальше!

– Брови дуговые, длинные, сужающиеся к вискам, глаза миндалевидные, серо-голубого цвета, нос прямой, рот средней длины, контур смыкания губ изогнутый, – затарахтел Касатиков. – Подбородок округлый, ушные раковины средней величины, общей оттопыренности, овальной формы, шея средней высоты и толщины, прямая. Особых примет нет... Что?!

Лейтенант оглядел притихшую публику.

– Отличная зрительная память, – похвалил его старший по званию. – Ну тема люка, который не Скайуокер, закончена? Теперь мы можем продолжить знакомство с тем Уокером, который Джимми?

Моржик молча набулькал ему в протянутый бокал виски.

– Ты все запомнила? – шепотом спросила меня Ирка.

– Лучше: я все записала на диктофон в мобильнике! – так же шепотом ответила ей я.

Оповещать об этом всех вокруг не стоило, чтобы мудрый Лазарчук раньше времени не догадался: от предосудительного намерения путаться под ногами у следствия мы с подружкой вовсе не отказались.

День третий

– Дети, в школу собирайтесь!

О нет! Опять?!

Тщетно силясь открыть глаза, я вяло охлопала ладонями пространство вокруг себя. Одним шлепком нашла мужа – он протестующе замычал, другим мобильник – он с готовностью высветил время: 05:00.

Кто поставил будильник на пять утра?! Не я, не Колян... Неужели сынище? Или это какой-то программный сбой, электронные мозги свихнулись, начинается бунт машин?

– Петушок пропел давно!

Ненавистный голос ненаглядной (в смысле, глаза бы мои на нее не смотрели) певуны смолк, но я знала, что она не уймется, пока кто-нибудь самоотверженный не встанет, чтобы поймать эту заразу, бестрепетно взять ее за горло и решительно умертвить путем нажатия довольно тугой кнопки на пузе.

Я села в постели, свесила ноги на пол, последовательно нащупала на полу четыре тапки, выбрала из них две поменьше, с третьей попытки правильно распределила их – какую на правую ногу, а какую на левую, встала, запнулась о невостребованные тапки мужа, отбросила их в сторону сердитым пинком – боже, столько активных действий и умственной работы в пять утра, это же надо!

– Дети, в школу собирайтесь!

– Я убью тебя! – сказала я с чувством.

– Кого? – сонно уточнил Колян.

То ли тревожился за себя, то ли великодушно хотел предложить помощь – я не стала это выяснять, просто ответила:

– Будильницу.

– Благословляю, – одобрительно пробормотал супруг и заворочался, с головой закутываясь в одеяло.

Это он правильно, сейчас я найду певунью и ка-ак грохну ее об стену – полетят пласмассовые клочки по закоулочкам, как шрапнель!

– Не так быстро. – Внутренний голос зачем-то попытался меня остановить, но был заглушен ожидаемой руладой:

– Петушок пропел давно!

И я пошла на звук, пылая негодованием и, собственно, только им и освещая себе путь. В крошечной тьме несколько раз ударилась о какие-то выступы, столкнулась со стеной, с трудом нашла дверь, но не придавала всему этому значения, ведомая одним страстным желанием: найти и обезвредить.

– Эй, послушай меня! Ну послушай же! – тщетно взывал ко мне внутренний голос.

– Потом послушаю, – пообещала я. – Убью будильницу, зарою ее поглубже, и прямо над свежей могилкой мы поговорим, о чем захочешь!

– Дети, в школу собирайтесь!

– Нам туда! – Я сориентировалась в пространстве.

Голос стал ближе, но путь не сделался легче. Я снова во что-то врезалась, удачно подхватила какую-то падающую штуку вроде короткой доски и, расценив это как жест доброй воли со стороны мироздания, любезно одарившего меня оружием, двинулась дальше уже с доской наперевес.

За очередной дверью тоже было темно, но путеводными звездочками горели цифры на корпусе моего врага.

– Не спугни! – Внутренний голос упредил вскипающий у меня в горле боевой клич «Ага! Вот я тебя сейчас!» – И я ринулась в атаку молча.

– Петушок пропел давно! – Певунья взвизгнула колесиками и погасила огни, лишив меня ориентира.

– Под одеяло залезла, – просветил меня внутренний голос, почему-то начиная хихикать. – Но ты же и там ее достанешь, правда?

Правда, одна правда, и только правда!

Запоздало осознав, что шуметь, пугая спящего ребенка, действительно не стоит, я тихо подкралась к кровати, которую нашла без труда (просто врезавшись в нее) и опознала по характерным очертаниям. Отыскала край одеяла, сунула под него руку, двинула ее вверх, искательно шевеля пальцами а-ля шустрый краб.

– Есть! – обрадовался внутренний голос, едва я нащупала что-то округлое. – А, нет, это не будильница, это живое, похоже, пятка...

– Дети, в школу собирайтесь! – Приглушенное одеялом пение доказало, что будильница живее всех живых.

Я выпустила пятку и послала своего пятипалого краба выше.

– Голень, – комментировал поиск мой внутренний голос. – Колено... Хм, разве у сына такие волосатые ноги?

Стоп!

Я проворно вернулась к пятке.

– А сын ли это? – тем временем озвучил мое сомнение внутренний голос. – В смысле, а твой ли это сын?

Бли-и-и-ин! До меня наконец дошло: я же не дома! Мы заночевали у Ирки, мой сын спит в мансарде, а я вломилась в соседнюю комнату, где дрыхнет... Кто?

– Полковник, ты чего это? – с превеликим подозрением спросил этот кто-то, уводя из моей разжавшейся руки неопознанную пятку.

С другой стороны, как я могла ее опознать? Пятка – не погон, на ней звездочек нет!

– Это Касатиков! Ирка их с Лазарчуком во второй гостевой спальне уложила, – проинформировал меня внутренний голос и забился в беззвучной истерике.

Я вспомнила эту спальню, снабженную одной широченной кроватью, и тоже захихикала, начиная отступление к двери. Суровые менты в одной постели, ну-ну, не будем им мешать...

И тут это подлое пластмассовое создание – китайский лидер восстания машин – опять запело:

– Дети, в школу собирайтесь!

– Кто здесь?!

Похоже, лейтенант Касатиков не знал про певучий и ползучий будильник, иначе с чего бы он так орал и дергался?

Взметнулось, подняв ветер, просторное одеяло.

– Вихри враждебные веют над нами! – радостно запел мой внутренний голос. – Темные силы...

Щелк! Темные силы мгновенно уступили место светлым – кто-то включил лампу. Я на мгновение ослепла, но это не помешало мне встретить вовремя вскинутой доской летящую черепашку, ориентируясь исключительно на приближающийся свист.

Крак!

– Пе-ту-шо-о-о-ок...

– Ты словами-то не разбрасывайся, Касатиков!

О, и Лазарчук проснулся! И явно принял «петушка» на свой счет!

– Твою мать! Кто это?! Стой, стрелять буду!

Я не сразу сообразила, что за боевой доской brave парни не видят моего лица и с их стороны ситуация в целом видится не столько комической, сколько пугающей. Еще бы, представьте: два полицейских товарища, просто коллеги, мирно спят в одной постели, не подумайте ничего плохого, ни-ни, и вдруг в опочивальню к ним вламывается некто с дубиной...

– Это не дубина, а лаковая картина на дереве «Пасха в Палехе», – оповестил меня внутренний голос.

Ага, машинально додумала я, глядя на бумажную наклейку на обороте доски, вламывается к ним, значит, некто, снаряженный, как для крестного хода в дурдоме – в пижаме, мягких тапках и с высоко воздетой расписной доской. Как будто благословляет на непристойности какие-то! А перед этим еще под одеяло коварно заползает и волосатые ноги пытливо щупает! И как прикажете реагировать?

– Не стреляйте! – торопливо попросила я.

Тут у меня мелькнула мысль явить парням свое лицо, отбросив в сторону доску, но я отбросила не доску, а эту самую мысль, потому что из внушительной работы палехских мастеров мог получиться неплохой щит в том весьма вероятном случае, если пальба все же начнется.

– Эй, ты! Руки вверх! – скомандовали мне.

– Они и так вверх! – огрызнулась я. – И между прочим, уже затекли, потому что доска довольно тяжелая! Можно я сделаю руки вниз?

– Только без резких движений! – В поле моего зрения под нижним краем доски появились осторожно приближающиеся босые ноги.

Я по возможности медленно и плавно опустила руки, но в последний момент они сами разжались, уронив доску на ноги. Не на мои – на те, босые.

– Мать, перемать, разтак ее, мать!

Лейтенант Касатиков подстреленным зайчиком запрыгал по комнате на одной ноге, образовав на диво гармоничную пару с полковником Лазарчуком, который тоже, оказывается, скакал на одной ножке, пытаясь натянуть на себя португую – почему-то снизу, как трусы.

– А вы слаженно прыгаете! – Я не сдержала восхищения. – Почти как в синхронном плавании! Долго тренировались?

– Елена! – Лазарчук сумел произнести имя без единой буквы «Р» с натуральным тигриним рычанием. – Какого хрена?!

– Ничего так рифма, – сдержанно похвалила его Ирка, возникшая в дверях, аки фурия – вся в белой кисее и со скалкой.

Кисея красиво колыхалась, скалка размеренно постукивала по ладони.

– Я смотрю, ты еще не потерял для великой русской поэзии, Сереженька, – отметила фурия. – А что это вы все тут делаете, а? В пять минут шестого?!

– Черт, мы опаздываем! Где мои носки? – Полковник отказался от намерения украсить трусы португеей и принялся сноровисто формировать себе более классический наряд. – Касатиков, подбери челюсть и натяни штаны, я тебя предупреждал, что тут возможно всякое, ты знал, куда шел!

– Это он сейчас о моем гостеприимстве? – хмуро уточнила Ирка у меня и крепче сжала скалку. – А я-то его кормила, поила, спать укладывала. Будильник завела, как просил, на пять утра!

– Так это ты, Брут! – Я повернулась к подружке. – Ты купила себе такой же будильник, как у меня?

– Я наконец научилась делать покупки в том китайском интернет-магазине, – смущенно похвалилась она.

– А кастрюльку купила? – заинтересовалась я. – Ту, керамическую, с лягушечкой на крышке?

– Да! И кастрюльку, и сковородку к ней в комплект, и еще такую, знаешь, бутылку с ручкой вроде кувшина, только без носика...

– Носики-курносики, – почти беззлобно проворчал Лазарчук, бочком пробираясь к выходу мимо нас с подружкой. – Касатиков, за мной!

– Не уходите, я накормлю вас завтраком! – опомнилась гостеприимная хозяйка.

– Спасибо огромное, сыты по горло, – вежливо отказался от продолжения банкета лейтенант Касатиков и выскользнул за дверь, как был, топлесс – в одних штанах.

Остальное свое тряпье он страстно прижимал к груди.

– Отличная фигура, – запоздало оценила лейтенантскую натуру Ирка. – Ноги стройные, плечи широкие...

– Пятки гладкие, – поддакнула я.

Широкие плечи лейтенанта Касатикова затряслись.

– Рыдает или ржет? – задумался мой внутренний голос.

– Не пугай мальчика, – сказала я подружке. – А то он больше не придет.

– Жрать захочет – придет, – уверенно ответила Ирка. – Где он еще поест домашних пельменей – да с дикой кабанятиной, да в такой хорошей компании?

Да, в самом деле?

Наши полицейские друзья-товарищи отчалили тихо и быстро – даже не условились с нами о новой встрече.

– Неблагодарные! – Проводив отъезжающую машину Лазарчука угрюмым взглядом из окна, Ирка с треском задернула занавески и побарабанила пальцами по подоконнику. – Ну чем займемся? Попробуем еще поспать?

– Я не смогу, – с сожалением сказала я. – Мне мой Морфей измены не прощает, уж если вылезла из постели – все, обратной дороги нет, прощай, сладкий сон!

– Сложно у вас. – Ирка хмыкнула и зевнула. – А я бы повалялась еще, но как-то опасаясь оставлять тебя без присмотра...

– С чего бы это? – удивилась я.

– С того, что ты нынче едва не грохнула мою прелесть!

– Это Лазарчука, что ли? Или Касатикова? – не поняла я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.